

— Что такое, тебе жалко? — Увидев, что Хэ Чжу опустил взгляд и уставился на бланк, заместитель генерального директора Ли махнул рукой. — Ты же должен знать повадки большого босса лучше меня. Не говоря уже о тех фильмах, даже вся киностудия «Чуаньюань» в его глазах ценна разве что своей золотой вывеской.

Если бы не множество глаз со стороны, наблюдающих, будет ли клан Янь как обычно применять грубые методы к этой старой киностудии с долгой историей, вероятно, большому боссу было бы даже лень тратить столько усилий на ликвидацию.

В конце концов, всё это — старый хлам, никому не нужный металлолом.

— А если отозвать сейчас... ещё не поздно?

Услышав голос Хэ Чжу, прозвучавший пугающе глухо, у заместителя Ли по спине пробежал холодок, и он недоумевал.

— Конечно, нет, разве ты не знаешь, на что способен большой босс? Господин Хэ, у тебя проблемы?

— Нет.

Хэ Чжу вдруг встал. Его молчаливое лицо при слабом свете в кафе не выражало никаких эмоций.

В руке он по-прежнему крепко сжимал тот бланк.

Сжатые страницы бумаги испещрились множеством складок, указывающих на одно чёрное, как смоль, имя.

Ань Сяо.

Хэ Чжу стоял у входа в кабинет генерального директора.

Сквозь стеклянную дверь было отлично видно, как работает Янь Жунцю.

Сосредоточенный, полностью поглощённый делом, даже сидит он прямо, спина особенно прямая, совсем как самый послушный и старательный отличник в классе раньше.

В сумерках размытый свет разливался, как вода, мягко ложась на его чёрные мягкие волосы, слегка отливая золотом и пушистостью.

Такой Янь Жунцю словно слился с закатом за панорамным окном, всё его существо окутывали тяжёлые тёплые сумерки.

В этот момент Хэ Чжу очень хотел, чтобы этот закат длился бесконечно, чтобы он мог ещё немного смотреть на Янь Жунцю в его мягкие моменты.

В груди будто снова и снова разливалась едкая горечь, эмоции беспорядочно и бессильно сминались в комок, который не расправить и не разгладить.

Он прекрасно понимал, даже спрашивать было не нужно, потому что не поступать так — значит, не быть Янь Жунцю.

Но всё же, если бы.

Если бы Янь Жунцю помнил его, помнил, кто такой Хэ Ваньчжи —

Изменился бы его выбор?

Хотя бы пошатнулся, согласился бы дать ему немного этой труднодоступной нежности?

Хэ Чжу опустил взгляд, уставившись на манжету на запястье.

Маленький паучок тёмно-серебристого цвета.

В сознании вновь всплыл отдалённый конец того лета.

— Пожалуйста, дай мне свою руку.

Через железную ограду детского дома пухлый мальчик с серьёзным видом потребовал.

Тот неохотно повернул голову в сторону, но всё же протянул руку.

Пухлячок схватил его руку, вытащил из аккуратного кармана пиджака сияющую золотом ручку.

И затем, не слушая возражений, нарисовал на его ладони кривого некрасивого жука.

Пухлый мальчик был белым и толстеньким, и рука, держащая ручку, тоже была кругленькой. А его рука уже была рукой большого ребёнка — длинной и прямой, с чёткими, выразительными костяшками. По сравнению с ней тыльная сторона руки пухлячка была похожа на хорошо пропечённую паровую булочку с мясом.

— Это таракан? — нахмурившись, он разглядывал свою ладонь и спросил от чистого сердца.

— Нет, это паук, талисман, который отгоняет плохое и приносит хозяину удачу, — пылко смотря на него, сказал пухлячок.

— Я всё тщательно проверил, опросил нескольких пользователей и уверен, что он абсолютно эффективен.

— А, спасибо.

Он даже не взглянул на пухлячка, просто пробормотал благодарность.

— Завтра я уезжаю.

Он равнодушно кивнул.

— Понятно.

— Но у нас теперь один и тот же талисман, так что это не настоящая разлука.

— Надеюсь, он будет защищать тебя всегда, где бы ты ни был. Как ты говорил, твоя мама делала для тебя такое.

Пухлячок подумал, ещё подумал и наконец с большей серьёзностью сказал ему:

— И ещё, спасибо тебе большое, что стал моим другом.

— Я всегда буду помнить тебя.

Врёшь, подумал Хэ Чжу. Ты врёшь.

После этого, каждый следующий раз, ты забывал всё начисто.

Включая самое важное обещание.

Разочарование и ожидание, любовь и нежелание смириться, день за днём наслаивались, порождая одержимость, подобную глубокой и разветвлённой корневой системе растения, густо заполняющей все мысли, не оставляя ни малейшего просвета.

До сих пор Хэ Чжу ясно помнит, три года назад, той ночью, когда он изо всех сил вцепился в Янь Жунцю, сжимая его в объятиях, в сердце промелькнула ужасная мысль —

Наверное, только так, исключительно так, можно заставить другого запомнить его навсегда.

Чтобы в этой жизни уже никогда не смог забыть.

По ту сторону стеклянной двери Янь Жунцю случайно поднял голову и наконец заметил высокую тёмную фигуру, стоящую снаружи.

— Что случилось? Возникли проблемы?

Увидев, что вошедший Хэ Чжу выглядит несколько подавленным, Янь Жунцю первым спросил.

— Нет.

Хэ Чжу, как обычно, разложил подготовленные документы на столе.

— Если что-то произойдёт, не забудь вовремя со мной связаться.

Безэмоциональный, официальный тон, но это была редкая забота, проявленная Янь Жунцю по собственной инициативе.

Хэ Чжу кивнул.

Янь Жунцю смотрел на него, и вдруг возникло ощущение, будто у того выросли собачьи уши и хвост, которые сейчас уныло обвисли, излучая жалкое уныние.

Как там говорится? Если девушка говорит всё нормально, значит, не нормально, ничего страшного — значит, есть проблема...

Хм, хотя Хэ Чжу, конечно, мужчина ростом под метр девяносто, но...

Янь Жунцю немного поколебался, но всё же решил проявить щедрость и поделиться с ассистентом, похожим на обиженного золотистого ретривера, своим заветным сокровищем.

Открыв ящик, он достал роскошную фарфоровую банку, украшенную золотой глазурью, снял крышку и подвинул вперёд.

Конфеты.

Полная банка разноцветных фруктовых леденцов, завёрнутых в изысканную, на вид дорогую

тонкую бумагу, от которых слегка исходил сладкий аромат, витающий и обволакивающий кончик носа.

Это была прощальная работа японского мастера по изготовлению конфет высочайшего класса перед уходом на покой, во всём мире осталась только эта маленькая банка, которую он не поспешил и купил за огромные деньги на аукционе.

Учитывая, что после того, как они закончатся, новых уже не будет, он баловал себя одной лишь тогда, когда был особенно уставшим.

Хэ Чжу тоже заслуживал одну.

— Спасибо, — равнодушно сказал Хэ Чжу.

Его взгляд скользнул вверх от банки с конфетами и остановился на холодном и утончённом лице Янь Жунцю, но брать он не собирался.

Он действительно всегда вспоминал один сладкий вкус, но это никогда не были конфеты.

— Пожалуйста.

Янь Жунцю снова подвинул фарфоровую банку вперёд.

Трудно отказаться от такого щедрого жеста.

— Тогда я не буду церемониться.

Хэ Чжу засунул руку внутрь, взял пригоршню и положил в карман пиджака.

[...]

Янь Жунцю остолбенел.

Просчитался!

У Хэ Чжу большая рука, длинные пальцы, а банка и так маленькая, много конфет в неё не помещалось, так что этой пригоршней он забрал почти половину.

И вообще-то, нормальные люди обычно берут всего одну, просто из вежливости! Кто же так поступает — действительно не церемонится?!

Между ресницами он увидел чуть расширившиеся чёрные влажные глаза, в которых читалась ошеломлённая милота. Хэ Чжу, делая вид, что ничего не произошло, слегка отвернулся, скрывая поднимающиеся уголки губ.

Не слишком ли он сейчас поступил подло?

Но кто же сказал, что это Янь Жунцю предложил ему?

Всё, что связано с Янь Жунцю, вызывало в нём неудержимое желание забрать больше.

Почти рефлекторная реакция.

— Надеюсь, ты воспрянешь духом, — Янь Жунцю, изящно и спокойно подбодрив подчинённого,

поднёс согнутый указательный палец к подбородку.

Хотя его сердце истекало кровью, но это же Хэ Чжу — старательный, целеустремлённый, надёжный, да ещё и домовитый, обладающий добродетелями, как у девы-улитки, вполне достойный его драгоценных конфет.

— Спасибо.

Хэ Чжу упёрся одной рукой в край стола, его высокая фигура полностью накрыла человека своей тенью.

— В следующий раз я угощу вас конфетами.

Угощу... конфетами.

Два слова, не слишком громких, не слишком тихих, упали на барабанные перепонки Янь Жунцю, разливаясь лёгким покалывающим зудом, резонируя и спускаясь вниз, отзываясь в грудной клетке.

Мгновенно промелькнуло инстинктивное предчувствие опасности.

Он откинулся назад, слегка нахмурился и дотронулся до задней части шеи.

Как странно...

Та кожа, которая в норме не должна ничего чувствовать, теперь слегка потеплела. Сквозь тонкую и нежную текстуру Янь Жунцю ощущал, как нечто размером меньше горошины пульсировало самостоятельно, раз, ещё раз...

<http://bllate.org/book/15591/1389725>